

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

RELIGION STUDIES AND SOCIOLOGY OF CULTURE

УДК 261.5.

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-308-318

Право теолога быть... (аспекты «теологического существования» в концепции К. Барта)

Колесников С.А.

Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина
308024 г. Белгород, ул. Горького, 71
E-mail: skolesnikov2015@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрен вопрос о сущности теологического знания и перспективы становления современного теолога. Предметом рассмотрения становится теологическая концепция К. Барта и его понимание структурной специфики процесса оформления теологического взгляда на мир, детально анализируется маршрут теологического роста Барта. В качестве определяющих точек становятся его предисловия к различным изданиям «Послания к Римлянам», предстающие в виде своеобразного теологического дневника. Детальный анализ каждого предисловия на фоне духовно-исторических событий позволяет увидеть специфику теологического развития концепции Барта. Важными аспектами теории теологического существования, согласно Барту, являются вызовы, стоящие перед теологом: одиночество, чувство стыда, ответственность и другие. В перечень качеств, присущих теологу, К. Барт включал такие черты, как созидательный характер теологического исследования, парадоксальность, метафизическое удивление, верность теологическому призванию, готовность к риску теологического поиска.

Ключевые слова: К. Барт, христианская теология, современная теология, теологическое существование, качества теолога, перспективы теологии, ответственность теологии.

Для цитирования: Колесников С.А. 2021. Право теолога быть... (аспекты «теологического существования» в концепции К. Барта). NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право, 46 (2): 308–318. DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-308-318

The theologian's right to be... (aspects of "theological existence" in the concept of K. Bart)

Sergey A. Kolesnikov

Belgorod law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia
71 Gorky St, Belgorod, 308024, Russian Federation
E-mail: skolesnikov2015@yandex.ru

Abstract: The article considers the question about the nature of theological knowledge and perspectives of development of the modern theologian. The subject of consideration is the theological concept of K. Bart and his understanding of the structural specificity of the process of registration of the theological view of the world. From Bart's point of view, the initial impulse to the theological interpretation of the world is important. The article analyzes in detail the route of Bart's theological growth. As the defining points are his Preface to various publications "Epistles to the Romans", appearing in the form of a kind of theological

diary. A detailed analysis of each Preface against the background of spiritual and historical events allows us to see the specifics of the theological development of Bart's concept. Each mentioned year of writing the Preface is organically included in the Preface itself: it is not just the date of writing this text, it is the text itself, standing out against the background of a pulsating era. Bart's Preface should be considered as stages of theological growth. The theologian, according to Bart, listens to what is pronounced in it, the experience of this listening is the experience of the theological attitude. The more accurate this experience is, the richer the gamma of tonalities transmitted by the theologian. The surprise at how unusual an external reality can become, illuminated by the theological worldview, is closely related to the surprise of the changes taking place within the theologian himself. K. Barth proposed a new understanding of truth and error in the theological study, assumed the inherent right of the theologian to make a mistake. Important aspects of the theory of theological existence, according to Bart, are the challenges facing the theologian: loneliness, shame, responsibility, and others. In the list of qualities inherent in the theologian, K. Barth included such features as the creative nature of theological research, paradoxical, metaphysical surprise, loyalty to the theological vocation, willingness to risk a theological search.

Key words: K. Barth, Christian theology, modern theology, theological existence, qualities of the theologian, prospects of theology, responsibility of theology.

For citation: Kolesnikov S.A. 2021. The theologian's right to be... (aspects of "theological existence" in the concept of K. Bart). NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series, 46 (2): 308–318 (in Russian). DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-308-318

Вопрос о сущности теологического знания и траектории духовно-душевного пути теолога являлся одним из ключевых для теологической концепции Карла Барта.

Теологическая призванность к открытию истины, когда «истина становится присвоением, внутренним, субъективностью, и главное здесь – экзистирюя, полностью погрузиться в субъективность» (С. Кьеркегор) [Кьеркегор, 2005, с. 209], становится таковой, только соединившись с парадоксально-субъективной потаенностью, личной прикрепленностью к тайне. Сам Барт так фиксировал траекторию приближения к истине: «Как понимающий я должен дойти до той точки, где я нахожусь практически только перед загадкой *предмета*, а не перед загадкой *документа* как такового, где я почти забываю, что я – не автор, где я практически полностью понял, что могу дать автору говорить от моего имени и сам могу говорить от его имени» [Барт, 2016, с. XXXV]. Именно в этой хроно-точке происходит созидательный взрыв: взрыв рождения подлинного теолога.

Генезисное триединство – парадоксальность, богословствование взрывом и серьезность/резвение – определяли для Карла Барта «родовую карту» теолога [Колесников, 2019]. Однако раскрытие понимания Бартом структурной специфики дальнейшего процесса становления теолога становится возможным только при рассмотрении последствий первоимпульса теологического существования.

Исследовательский фокус большинства работ, посвященных аналитике теологических воззрений К. Барта, направлен прежде всего на его зрелый период, период «Церковной догматики» (примеры тому – исследования В. Дж. Бромили [Bromiley, 1979], Дж. Хансгера [Hunsinger, 1991]) – на рассмотрение теологического акцента Барта. Но не менее важен начальный этап формирования К. Барта как теолога: именно здесь мы присутствуем при поиске не столько теологической концепции – этим Барт будет заниматься позднее – сколько получаем возможность увидеть, как «разворачивается», «прорастает» теологический талант из обозначенного триединого богословского «зерна».

Для понимания сущности изначального посыла к теологической деятельности не столь важно, *что* Барт говорит как теолог; важнее, что он – пусть даже завуалировано – *говорит* о теологе. Снятие этой «вуали» и должно помочь понять, каким виделся Барту – и раннему («Послание к римлянам»), и зрелому («Толкование на Послания Римлянам»), и

позднему («Церковная догматика» в ее многотомности) – контур теологического призвания (или призывания?..).

Детонации мировых потрясений начала XX века вошли в резонанс новорожденного тео-мировоззрения К. Барта и определили само появление его как теолога. Но динамика его последующего богословского «прораствания» должна была импульсироваться внешними целями, и такой задачей, найденной самим теологом и одновременно поставленной перед ним эпохой (не в этом ли промыслительном совпадении состоит каждая теологическая «удача»?), стало противостояние тому, что один из первых исследователей в СССР теологии К. Барта А. Казем-Бек назвал «переходом от Богочеловечества к человекобожью». Вектор пути теолога как преодоление «абсурда, который в наши дни уже называется “арелигиозным христианством” (надо помнить, что “арелигиозное христианство” знаменует не приход к христианству, а уход от него)», сама возможность отрывания от открывшейся богословской призванности, стали первопричинами той духовной трагедией, которая «потрясла христианское сознание юного Карла Барта» [Казем-Бек, 1972, с. 53].

Знаковыми точками в «маршрутизации» теологического роста Барта становятся его предисловия к различным изданиям «Послания к Римлянам» (1918, особенно 1921, 1922, 1924, 1926, 1928 годов), представляющие в виде своеобразного теологического дневника. Детальный анализ каждого предисловия на фоне духовно-исторических событий мог бы дать развернутую хроно- и био-графику вычерчивания К. Бартом своего богословского маршрута. Каждый упомянутый год написания предисловий органически входит в само предисловие: это не просто дата написания данного текста, это сам текст, рельефно выступающий на фоне пульсирующей эпохи. Предисловия Барта надо рассматривать не как авторско-личностную корректуру тех или иных позиций, а в качестве этапов теологического возрастания.

Путь становления теолога, согласно Барту, на каждом этапе импульсируется особым религиозно-интеллектуальным «взрывом», порождаемым верой. Г. Кюнг определял параметры этой импульсации как «прыжок»: «Что означают слова Ансельма “*credo, ut intelligam*”? У Барта нет сомнений: “Я верю, чтобы понимать”. Приоритет принадлежит “вере”. С самого начала, полагал он, христианин должен совершить прыжок, погрузиться в самую суть дела! Не так, как у Шлейермахера, — прежде попытаться понять (найти исторические, философские, антропологические, психологические предпосылки веры), а уж затем верить... А, скорее, наоборот – сначала поверить, чтобы потом понять веру, исследуя ее “возможности”» [Кюнг, 2000, с. 340]. Эта цепь «взрывов-скачков» оказывается связующим *religage*, составляющим неразрывный поток теологической преемственности – от Ансельма Кентерберийского до Карла Барта – поток форм богословских экзистенциалей, определяющих специфику мироощущения теолога.

В контексте преемственности теологической экзистенции актуализируется проблема специфики самого теологического существования, тех параметров, которые определяют своеобразие восприятия бытия теологом. Очевидно, что теологическому «бытию-впереди-себя» (М. Хайдеггер) соответствует ряд условий, условно константных для каждого, кто выбирает христианско-богословский способ осмысления мира, опыт проживания в мире. Это некое поле, контуры которого относительно стабильны даже в различных исторических реалиях, некая полисемантическая константа, позволяющая считать данный тип познания мира именно теологическим. Конечно, речь не идет о последующих результатах теологических исследований: здесь начинается пространство риска, эпистемологической относительности. Однако перво-поле теологичности формируется общими принципами, результатом взаимодействия которых и становится появление теолога.

Теолог прежде всего аудио-ориентирован, настроен на сакральный звук, на вслушивание в то, что апостол называл *fides ex auditu*, «вера – от слышания, а слышание от слова Божия» (Рим. 10:17). Теолог вслушивается в то, что в нем произносится, – и опыт этого вслушивания в резонансы глубинных созвучий, происходящих в теологе, и есть опыт теологического мироощущения. Чем более выверен этот опыт, тем богаче гамма тональностей,

передаваемых теологом. Показательно, что в «Церковной догматике» Барт – уже зрелый теолог – актуализирует тему теологического вслушивания: «... Благодать строго личного, свободного слова Божьего, приходящего к своей цели в равным образом личном, свободном слышании его человеком, слышании веры, которая может быть, со своей стороны, понята только как благодать» [Барт, 2007, с. 34]. По существу, Барт выделяет особый «физиологизм» теологии, в частности, его дистантно-звуковой параметр (где и «дистанция», и «звук» предстают трансценденциями в преемственном духе еще с Ф. Суаресом), который и определяет своеобразие «теологического слуха».

Теологический слух способен на мелодику, гармонию, полифонию, архитектонику восприятия сакральной аудио-информации, но вместе с тем – что особенно важно для Барта! – способен расслышать Божественное «Нет» как ситуацию аудио-пустоты, ситуацию умолкания Слова и воспринять это молчание – собственно отсутствие звука – как важный (а для Барта – важнейший!) сигнал, меняющий всю картину теологической экзистенции. П. Тиллих в работе, посвященной богословию К. Барта, отмечал приоритетное значение такого «нет»: «Если, таким образом, культуру всесторонне подвергнуть Кризису и приять в ней лишь то, что имеет критический характер, то Суд, т. е. Божественное «нет» имеет не менее, но, напротив, еще больше значение для религии» [Тиллих, 1995, с. 151]. Готовность идти на сакрально значимый «звук», и тем более на отсутствие такого «звука» – существенно-значимая теологическая экзистенциалия.

Аудио-задачей теологии, таким образом, становится передача с минимальными «транспортными» искажениями смыслов сакрального звучания. На артикуляционной особенностях теологии Барта акцентировал внимание Т. Торренс: «Карл Барт попытался дать свежую артикуляцию к христианской вере как богословию Слова Божьего, артикуляцию, которая ломает рамки привычных форм человеческого мышления, использующих как стародедовские, так и моднейшие мысли в качестве инструментов и орудия мысли и речи» [Torgance, 1962, с. 179]. В этом определении хотелось бы отметить вневременной характер теологической артикуляции, преодолевающей «стародедовские» и «модные» варианты теологических концепций. Сам Барт четко выделял сверх-хронологический характер своих построений: «Я не отрицаю известную аналогию моего метода по отношению к древнему учению о вербальной инспирации» [Барт, 2016, с. 88]. Вербально-артикуляционная форма и преодолевающее временной характер богословского миропостижения становятся залогом подлинной теологичности: в соединении этих параметров обнаруживается процесс осознания себя теологом.

Следствием этого осознания становится удивление перед открывающейся перспективой духовного преображения. Религиозно окрашенное удивление, по Барту, есть непременное условие становления и развития теолога. Упомянутая вербальная инспирация – во-одушевление, о-духотворенность, услышанные в себе и выраженные своими словами, – предстает как реально воплощенная, «материализованная», ситуация удивленности тем, что происходит вокруг и внутри теолога. «Факт личности Иисуса Христа, – пишет Барт в «Толковании на Послание Римлянам», – так чудесен и одновременно так реален. Павел находится перед этим фактом без каких бы то ни было оговорок, совершенно *удивленный*, и он пребывает перед ним именно как перед этим решительным *фактом*, перед Иисусом Христом» [Барт, 2010, с. 54]. Удивление перед тем, какой необычной способна стать внешняя реальность, освещенная теологическими хромограммами, оказывается тесно связанным с удивлением от происходящих изменений внутри самого теолога.

Важнейшим моментом теологического удивления становится открытие способности к верности – как Бога, так и теолога. Возрастание удивления начинается из пространства пересечения верности Бога и теолога: «... Возвещенный через Иисуса Христа суд происходит из верности, он есть слово верности Божьей, и обращен к доверию и вере иудеев и греков, которые слышат его» [Барт, 2010, с. 18]. Единство Божественной и человеческой вер-

ности, удивлённость собственной верностью, чудесное превращение теологического «дискурса» в говорение верностью и о верности – все это определяет импульсацию теологического роста.

Теологическое удивление верности обнаруживает специфику развития богослова: этот процесс не явлен как алгоритмический «сайнс-конструкт», где происходит надстраивание научно-инструментарных возможностей, это скорее процесс органического возрастания, своеобразный «блокчейн», где удивление как константа (по сути – сама верность!) на каждом этапе развития теолога выступает гарантом подлинной теологичности. Теолог, находящийся в постоянном удивлении перед непрерывающейся ни «внутри», ни «снаружи» верностью – верностью, распределенной своей взрывно-импульсирующей энергией по «узлам данных», но в одновременно выстраивающей единую цепочку теологических смыслов, – оказывается (что удивительно для него самого!) соответствующим требованиям подлинной теологичности.

В предисловии к третьему изданию «Посланию Римлянам» (1922) К. Барт подчеркнуто заостряет тему верности теолога, причем задает филологическую тональность этой верности. Если не возникает верности между теологом и текстом, которому он должен быть верен, тогда такой псевдо-теолог «как безответственный зритель находится *рядом* с конгломератом духа и духов, который означает для него текст. Ему незнакомо беспокойство по поводу смысла текста, поскольку он не знает отношения верности к нему, поскольку он, если даже он определенным образом проходит вместе с ним некоторый путь, все же никоим образом не отважился полностью зависеть от него». И далее Барт сознательно радикально формулирует: «Я считаю абсолютно невозможным по достоинству оценить писателя, действительно вновь заставить говорить писателя, если не... войти в эти отношения верности с ним» [Барт, 2016, с. XLIV].

Но взрыво-отрицательная часть определения того, кем должен быть теолог не составляет основную тезу Барта – иначе бы он не был бы Карлом Бартом! Он дает и взрыво-созидательную характеристику богословствования. Говоря о теологе-комментаторе, Барт фиксирует специфику «спрессования», «взрывосваривания» теолога и его заветной темы: «Тогда он будет писать свой комментарий не о *Павле*, но, конечно (часто вздыхая и покачивая головой), до последнего слова с Павлом» [Барт, 2016, с. XLIV]. В этой неразрывности, связанности (*religare*) и рождается теологическая верность. И если «праведник будет жить верностью!» (Авв. 2:4), то теолог обязан стремиться к такой верности.

Весь теологический текст Барта – имея ввиду, конечно, весь корпус текстов, написанных за всю его жизнь, – как раз и есть пример такой верности. Нет параметрической возможности проиллюстрировать этот тезис, но можно утверждать: на каждом этапе своей деятельности Барт выстраивает свои отношения с создаваемым теологическим текстом именно на принципе верности. Он демонстрирует особый тип тео-филологической верности, включающей в себя – уже даже не отмечая само сращение теологии и филологии – и одновременно его образуя, практически весь духовно-культурный опыт. Текстуальная вселенная Барта, основанная на вышеобозначенных принципах, выступает как Вселенная образования – но образования нового теологического знания с новым пониманием призвания теолога к универсальности этого знания.

Здесь надо отметить еще один парадокс К. Барта: с одной стороны, он достаточно моно-тематичен (прежде всего это паулизм), но с другой – практически демонстрирует универсализм научной тематики. В этом парадоксе раскрывается еще один «параметр» теолога: возможность – и обязанность – быть разным. Показательный акцент Барта (см. подр. [Барт, 2010, с. 14]) на теме «дары различны» (1 Кор. 12:4), соотношенный с «профессиограммой» теолога, предполагает у каждого теолога свой дар, что обеспечивает в целом универсальную разветвленность теологии.

Христианская теология имеет право быть разной, скорее даже обязана быть разной (студенческая шутка о теологии как обширном познавательном спектре от геологии до ихтиологии имеет под собой весьма серьезные основания), но при этом должна оставаться христианской. Ведь сам Барт мог быть разным («Сначала Барт был решительным сторонником теологии модерна... Однако позже Барт стал самым непримиримым критиком той парадигмы Просвещения и модерна» (Х. Кюнг) [Кюнг, 2000, с. 332]), но это и означало универсальность, прежде всего теологическую универсальность.

Вместе с тем К. Барт чутко улавливал хрупкую органичность подобного универсализма. Живой, трепетный, рожденный или нерожденный случай лежит в основании теологического мироощущения. В диссертации А.В. Ворохобова подчеркивается именно эвентологический аспект теологии Барта: «Осмысление Бартом Откровения эволюционировало от диалектического к актуалистически-аналогическому и, в целом, было сосредоточено не на понимании бытия, а на событии случая, что остается неизменным во всех стадиях развития теолога» [Ворохобов, 2009, с. 198]. Случай становится поворотным моментом в становлении теолога, ожидание этого случая, готовность откликнуться на зов явленного случая и в случае – вот «профессиональная» черта теолога. Случайно ли призвание к теологии, случайна ли моя теологическая верность, соответствую ли я как теолог уровню открывшегося случая... – сложный комплекс вопросов, определяющих профессиограмму теолога.

Сам Барт по этому поводу говорил: «В теологии никогда не знаешь, кто кого: он меня или я его» [Кюнг, 2000, с. 321]. Риск быть (или не быть) теологом, своеобразная вне-академичность теологии (не в этом ли одна из причин сложных процессов вписывания в современные конфигурации российских вузов теологических подразделений?), взятие на себя права на ошибку и само перетолкование (в стиле бартовских толкований) понятия ошибки – все это придает случаю особое место в теологическом пространстве. И теолог должен уметь координировать себя в этом пространстве, помня о значимости случая, и быть готовым к ошибке.

Ведь урок теологии для современного научного сообщества может выразиться еще и в новом понимании просчетов: можно иметь право на ошибку и даже наличие обязанности быть ошибающимся. Воспитательная роль теологии способна проявиться в формировании нового знания об ошибке – (bag-слово?) – нового отношения к ошибке, в том числе и как опыта смирения в интеллектуальной сфере.

Тема случайности, которую видел у апостола Павла К. Барт («Мысль Павла о миссии не имеет ничего общего с числами, большими или малыми: речь идет о том, чтобы разметать повсюду искры, дабы из каждой искры разгорелся грядущий пожар всего мира» [Барт, 2010, с. 15]), становится центральной для понимания теологом своей личной ответственности за верный или неверный результат. И в то же время открывает вне-массовый, скорее анти-массовый, характер теологии, несводимый к количественно-цифровым параметрам. Теология, настаивает Барт, квази-цифрова, преодолевает цифру: каждый теолог есть уникальный проект, исключительный случай, представляющий собой искру как антитезу цифре.

И эта исключительность определяет формат долженствования теологического поиска. Перед теологом встает обязанность – в силу его верности теологическому призыванию – соответствовать, стремится соответствовать высотам этого призывания: «В то время как теолог существует в сегодняшнем мире просто как человек сегодняшнего дня, разделяющий все тяготы со своими современниками, это Слово уже требует его к ответу, обращается к нему, затрагивает его, вонзает ему (Деян 2:37) жало в сердце» [Барт, 2006, с. 72]. Пораженность своей верностью, разрывная способность открывания миру прорисовывают экзистенциально-профессиональный профиль теолога, выгравированный «затронутостью», выступающей в форме «единственной в своем роде актуальности, даже агрессивности предмета, с которым имеет дело теолог» [Барт, 2006, с. 76]. Профиль теолога возникает в свете

того – «агрессивного!» – теологического слова, к которому он «прикреплен» и которое само затрагивает его. Готовность к такой сложной задаче – профессиональный долг богослова.

Но тема агрессивности возникает у Барта неслучайно. Вокруг этого понятия собирается практически весь параметрический комплекс характеристик теологического существования, и собирание это осуществляется с главной целью: подчеркнуть риск теологического существования.

Классическое описание «рискового поведения», в том числе и ситуации риска теолога, определяется группой факторов: «характер задачи, ситуационные воздействия, личностные характеристики, влияние межгрупповых взаимодействий» [Солнцева, 2007, с. 231]. Однако специфику теологического риска определяет фундаментальный риск веры, который, согласно П. Тиллиху, есть «величайший риск, на который человек способен пойти» [Тиллих, 1995, с. 142], «экзистенциальный риск, риск, который ставит на карту смысл и существование наших жизней» [Тиллих, 1995, с. 257]. Взрывы агрессивно-испытывающей («...Доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать?») (Иов. 2:10)) среды, детонирующих сознание теолога парадоксами и проверяющих степень серьезности/трезвости его позиций, как раз и формируют фон риска, на который решается теолог. У Барта есть четкое представление о степени рискованности теологического поиска, который может закончиться как победой, так и поражением: «... всякое серьезное рассуждение, касающееся человеческих слов о Боге, вынуждено исходить из того, что в действительности дело обстоит совершенно иначе и что совершенно невозможно интерпретировать человеческие слова вообще как слова о Боге» [Барт, 2007, с. 3]. Опыт риска, которым обладает теология, придает ее построением максимально напряженный характер, принимающим на себя прессинг мощных экзистенциальных вызовов.

Именно вызовы, деформирующие теологическое существование, и методика противостояния этим вызовам становятся одними из важных направлений концепции «теологического существования» К. Барта.

Таким вызовом-реакцией для теолога на выполнение/невыполнение своей экзистенциально-профессиональной задачи, согласно К. Барту, является феномен стыда. В «Толковании Послания Римлянам» есть знаковый фрагмент: «Никто не должен подумать, что он (Павел) (не смог или не захотел прийти потому, что он стыдится того испытания, которое именно Рим как впечатляющий центр языческого мира должен был означать для его благовестия. Он не боится, что Евангелие проиграет сосредоточенным в столице мира культуре и бескультурью, что оно потерпит поражение у господствующих там сил духовности и бездуховности, гуманизма и пошлости и что это заставит его устыдиться. Однако в основании этого его «непостыжения» находится не уверенность в своей собственной силе духа, красноречии, знании людей. Он потому «не стыдится», не боится всего Рима, поскольку... Евангелие само есть *сила*, причем *сила Божья* и посему безусловно превосходящая все прочие силы» [Барт, 2010, с. 16]. Стыд и теология предстают соположенными через прикосновение к духовной силе – как и преодоление стыда через теологическую верность силе. Занятия теологией предстают как преодоление стыда, как обретение права для теологического слова выйти на свет общественного внимания. В аспекте раскрытия-взрыва личности теолога происходит преодоление стыда, обретается голос, как некогда сам Барт, будучи молодым проповедником, искал свою верную теологическую тональность в рабочих недоверчивых кварталах, обнаружив, что «философское богословие либерального протестантизма, к которому он привык в студенческие годы, здесь бесполезно» [Барт, 2016, с. XIX]. В этой точке столкновения-взрыва «мира рабочих и мира Библии» сам Барт обретал опыт стыда и его преодоления...

Вместе с тем тема теологической стыдливости, разворачиваясь, начинает превращать стыд из изнурительного вызова в мощный богословский ресурс («... есть стыд, ведущий ко греху, и есть стыд – слава и благодать» (Сир. 4:25)), становится оружием уже самого теолога: «... Я не стыжусь Евангелия перед лицом сил всемирной столицы Рима потому, что

Евангелие как всемогущее спасительное дело Божье выражается и как осуждение человека Богом, поскольку совершенно ясно, что не я должен стыдиться Евангелия, но во всей своей массе собравшийся в Риме языческий мир должен стыдиться себя самого перед лицом Евангелия» [Барт, 2010, с. 21]. Взрыво-активная направленность стыда «выкапывает» некий рубеж, через который обязан перейти теолог: от собственной стыдливости к стыду как средству обличения. По существу, можно, в контексте позиции К. Барта, говорить о теологии стыда, о религиозном процессе обретения права уже не только стыдиться, а и стыдить, усовещивать.

Но стыд – только один из аспектов теологического риска. К числу вызовов Барт добавляет одиночество, обреченность теолога на одиночество: «... Именно из-за нравственно-практического беспокойства, прямо и косвенно порождаемого теологией, она в целом никогда не сможет стать популярной: ни среди детей мира сего, ни среди набожных. Кто занимается теологией, и занимается всерьез, тот именно в этой области должен быть готов и способен выдерживать и переносить одиночество» [Барт, 2006, с. 106]. Протестантское одиночество, усиленное без-церковностью и дистанцией с традицией, конечно, у Барта множится еще и отголосками нищестанствующих монахий, однако интеллектуальное одиночество теолога, особенно в современной ситуации, может быть принято как фактор риска, к которому должен быть готов теолог.

Обратная сторона теологической уединенности, о чем предупреждает Барт – чрезмерная открытость: «... Богословская гипертрофия, как и всякая гипертрофия, слишком легко приводит к пресыщению, – в данном случае к тому, что на старом языке монашества называлось смертным грехом *taedium spirituale*, духовной скуки, от которой до скепсиса лишь один шаг» [Барт, 2006, с. 116]. Выгорание теолога как профессиональное, так и духовное, возникающее из подобного пресыщения, – еще один подводный камень теологии. Перед теологом дамокловым мечом всегда висит вопрос смысла и предмета его профессиональной деятельности, вопрос, что он представляет собой как профессионал. Барт трезво и безапелляционно напоминает об этом трагичном и одновременно самоироничном вопрошании: «Что такое профессор теологии? — насмешливо спрашивал Кьеркегор и столь же насмешливо отвечал: он есть профессор в науке о том, как другого распяли. Так вот, именно за это он должен платить» [Барт, 2006, с. 137]. Как раз вопрос расплаты за право быть теологом, «платы» за проживание в формате теологического существования тревожит К. Барта.

И ответом становится понятие теологической скромности: «Теологи, – и это тоже принадлежит, между прочим, к «экзистенциализмам» теологии, – могут быть только малыми, скромными» [Барт, 2006, с. 139]. В этой установке на «скромность» просматривается весь комплекс теологических экзистенциалий, фиксируемых Бартом: предел теологических изысканий, потенциал внутренних и внешних ресурсов теологии, уровень теологических претензий и амбиций, возможности и потребности роста личности теолога, властные полномочия теологического сообщества...

В теологической скромности заложен и принцип теологического познания таким, каким он виделся К. Барту: скромность по отношению к результатам теологических дискуссий вытекает и определяет смиренное признание собственной неправоты и признание потаенности мира. Скромность теолога в заявлениях о собственной индивидуальной правоте, мера этой правоты определяют понимание Бартом принципиальной возможности построения конкретной теологической системы. Именно в свете заявленной скромности необходимо рассматривать такие заявления: «Сегодня говорят о присущей бартовской теологии "чрезмерной страсти к основанию нового учения" (Э. Юнгель)» [Кюннг, 2000, с. 351]. Однако вряд ли будет правомерным говорить о «страстности» К. Барта в создании некоего концептуального проекта, скорее это учительное наставление в том деле, которому он посвятил свою жизнь, в конкретном и рискованном («Риск веры основан на том, что элемент

безусловного может лишь тогда стать предметом предельного интереса, когда он предстает в конкретном воплощении» [Тиллих, 1995, с. 256]) деянии, которое называется теологией.

Заклучение

«Теология Карла Барта – и он сам как пример "теологического существования"» [Кюннг, 2000, с. 336] позволяют затронуть проблему параметров и ценностей современной теологии в ее экзистенциальном аспекте. Органическое слияние теологии и экзистенции, которое осуществил в своей профессиональной деятельности К. Барт, определили систему ценностей «теологического существования»: созидательно-взрывчатый характер богословствования, парадоксальность, трезвение, аудио-сакральность, метафизическое удивление, верность теологическому призыванию, готовность к риску теологического поиска.

Но весь этот параметрический комплекс теологической «физиогномики» приобретает свою значимость только в свете главной богословской задачи – миссии благовествования. Трагедия и величие подлинной теологии в том, что она, с одной стороны, лишена (или не позволяет себе) директивности по отношению к богословски осмысляемому Слову, но, с другой – призывается Словом, созидается Словом. В этом разрыве, «просвете» (М. Хайдеггер) становятся более четкими цели миссии теологического благовествования, направленной на обоснование институционального и авторитетного присутствия Слова в современном мире.

Напряженность теологической миссии усиливается еще и тем, что его выбор провиденциален, выбор теологом своей миссии означает соприкосновение с Промыслом – здесь то и начинается самый острый момент: только Божественное способно определить теологическую миссию как благодатную. Но само стремление к благодатной реальности, само стремление в благодатную реальность придает теологической миссии духовный смысл и оправдание.

Специфика теологического существования Барта еще и в том, что он акцентирует личностную ответственность теолога перед абсолютными категориями. Личностные обертоны теологического повествования, направленные вовне, резонируют внутри, изменяя уже самого теолога. «Барт считает, – пишет А.В. Вороховов, – что теология должна говорить не просто о Боге вообще, но лишь о личностном троичном Боге и его природе, сущностными характеристиками которой являются самосущность, самодвижимость, любовь и свобода. Для теолога действие Абсолюта *ad extra* идентично его *opera ad intra*» [Вороховов, 2009, с. 14]. Личное предстояние в каждом теологическом посыле перед личностным абсолютном есть непреходящая теологическая ситуация и неизбывный теологический способ проживания.

Теологическая задача предстает как воплощение опыта долженствования – «Богословие Барта призывает нас не принимать мир таким, какой он есть, но принять мир таким, каким он должен быть» [Jenson, 1963, p. 187], – но это не рации-опыт, здесь скорее актуальна потаенность бытийного долженствования. Теологическое познание мистериально: каким должен быть мир – полностью неизвестно, но сама неокончателность, открытость теологического вопрошания формирует особый тип миропознания и мироизменения, основанного на деонтологических принципах. Соединенность бытия и долга возникает только в теологическом знании-проживании и только в нем способно найти свое воплощение.

Уникальность теологической экзистенции, по Барту, еще и в том потенциале любви, который непредставим ни в какой другой дисциплине миропознания. Миссия, рождающаяся в любви и любовью, придает теологическим построениям исключительный эпистемологический ракурс. В «Толковании на послание филиппийцам» К. Барт фиксирует познавательность любви: «Павел говорит: любовь должна возрастать, но я *прошу* за вас, чтобы она возростала в познании и всестороннем понимании, дабы различать, что важно. Оба понятия – «принципиальная ясность мысли» и «практически-конкретная способность суждения» – указывают на то, что речь идет о «возрастании» надежности любви к ее *Предмету*.

Чтобы любовь все лучше понимала сама себя...» [Барт, 2010, с. 202]. Теология, тем самым, являет пример результативной эпистемологии любви, где конкретным итогом научного исследования – что невозможно ни в каком ином гносеологическом варианте! – становится выход к благодати.

Благодать выступает условием подлинности теологического выбора. Стремление к благодати и определило всю динамику развития теологических взглядов К. Барта: «Вдохновляясь примером Ансельма, архиепископа Кентерберийского, Барт смягчает свою гносеологическую непримиримость, от абсолютной несовместимости человеческих представлений с истинным знанием о Боге он переходит к признанию принципиальной возможности постижения Бога через веру в Него и в благодать Его Откровения, следовательно, и к возможности самого богословия как выражения этого самооткровения Бога» [Православная энциклопедия...]. Право быть теологом, рожденное благодатью, разрешение самому себе стать теологом, понимание того, что *можно* быть теологом и что можно *быть* теологом – таков урок богословской смелости, преподнесенный Карлом Бартом.

Список литературы

1. Барт К. 2006. Введение в евангелическую теологию. М., Центр Нарния, 190 с.
2. Барт К. 2016. Послание к Римлянам. М.: Издательство ББИ, 520 с.
3. Барт К. 2010. Толкование Посланий к Римлянам и Филиппийцам. М., ББИ св. апостола Андрея, 306 с.
4. Барт К. 2007. Церковная догматика. Том I. М., Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 542 с.
5. Кюнг Х. 2000. Великие христианские мыслители. СПб., Алетейя, 442 с.
6. Вороховов А. В. 2009. Религиозно-философские взгляды Карла Барта и Рудольфа Бульмана: сравнительный анализ: дис. ... канд. философ. наук. Нижний Новгород, 24 с.
7. Казем-Бек А. 1972. Христианский путь Карла Барта. Журнал Московской Патриархии, 9: 53–60.
8. Колесников С.А. 2019. Миссия теолога в диалектической философии религии Карла Барта. Научные ведомости Белгородского государственного университета, Т. 4, 2: 56–68.
9. Кьеркегор С. 2005. Заключительное ненаучное послесловие к философским крохам. СПб., Изд-во С.-Петерб. ун-та, 680 с.
10. Православная энциклопедия. Карл Барт. 2018. URL: <http://www.pravenc.ru/text/77620.html> (дата обращения 04.06.2019).
11. Солнцева Г. Н., Смолян Г. Л. 2007. Психологические механизмы и модели «рискового поведения». Труды ИСА РАН. Т. 31: 231–244.
12. Тиллих П. 1925. Диалектическая теология. Путь, 1 (сентябрь): 148–154.
13. Тиллих П. 1995. Теология культуры. М.: Юрист, 479 с.
14. Bromiley Geoffrey W. 1979. Introduction to the Theology of Karl Barth. Edinburgh: T&T CLARK, 253 p.
15. Hunsinger, George. 1991. How to read Karl Barth. The Shape of His Theology. New York, Oxford: Oxford University Press, 298 p.
16. Jenson R.W. 1963. Alfa and Omega. A Study in the Theology of Karl Barth. New York: Nelson & Sons, 176 p.
17. Torrance Thomas F. 1962. Karl Barth: An Introduction to His Early Theology, 1910-1931. London: SCM Press, 231 p.

References

1. Bart K. 2006. Vvedenie v evangelicheskuyu teologiyu [Introduction to Evangelical theology]. Moscow, Centr Narniya, 190 p.
2. Bart K. 2007. Cerkovnaya dogmatika [Church dogma]. v. I. Moscow, BBI, 520 p.
3. Bart K. 2010. Tolkovanie Poslanij k Rimlyanam i Filippijcam [Interpretation of the Epistles to Romans and Philippians]. Moscow, BBI, 306 p.
4. Bart K. 2016. Poslanie k Rimlyanam [The Epistle to the Romans]. Moscow, BBI, 542 p.

5. Kung H. 2000. Velikie hristianskie mysliteli [Great Christian thinkers]. St.Petersburg, Aletejya, 449 p.
6. Vorohobov A. V. 2009. Religiozno-filosofskie vzglyady Karla Barta i Rudol'fa Bul'tmana: sravnitel'nyj analiz [A Religious-philosophical views of Karl Barth and Rudolf Bultmann: a comparative analysis]: Abstract. dis. ... cand. filosof. sciences. Nizhnij Novgorod, 24 p
7. Kazem-Bek A. 1972. Hristianskij put' Karla Barta [the Christian way of Karl Bart]. Zhurnal Moskovskoj Patriarhii, 9: 53–60.
8. Kolesnikov S.A. 2019. Missiya teologa v dialekticheskoj filosofii religii Karla Barta [The theologian in the dialectical philosophy of Karl Barth's religion]. Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta, v. 4, 2: 56–68.
9. K'erkegor S. 2005. Zaklyuchitel'noe nenauchnoe posleslovie k filosofskim kroham [Concluding unscientific PostScript to philosophical crumbs]. St. Petersburg, St. Petersburg St. Univ, 680 p.
10. Pravoslavnaya enciklopediya [Orthodox Encyclopedia]. Karl Bart. 2018. Available at: <http://www.pravenc.ru/text/77620.html> (accessed: 04.06.2019).
11. Solnceva G. N., Smolyan G. L. 2007. Psihologicheskie mekhanizmy i modeli «riskovogo povedeniya» [Psychological mechanisms and models of "risk behavior"]. Trudy ISA RAN, v. 31: 231–244.
12. Tillih P. 1925. Dialekticheskaya teologiya [Dialectical theology]. Put', 1: 148-154.
13. Tillih P. 1995. Teologiya kul'tury [Theology of culture]. Moscow, YUrist, 479 p.
14. Bromiley Geoffrey W. 1979. Introduction to the Theology of Karl Barth. Edinburgh, T&T CLARK, 253 p.
15. Hunsinger, George. 1991. How to read Karl Barth. The Shape of His Theology. New York, Oxford, Oxford University Press, 298 p.
16. Jenson R.W. 1963. Alfa and Omega. A Study in the Theology of Karl Barth. New York, Nelson & Sons, 176 p.
17. Torrance Thomas F. 1962. Karl Barth: An Introduction to His Early Theology, 1910–1931. London, SCM Press, 231 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Колесников Сергей Александрович, доктор филологических наук, профессор Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина, проректор по научной работе Белгородской православной духовной семинарии (с миссионерской направленностью), Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey A. Kolesnikov, Doctor of Philology, Professor of Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Vice-Rector for Research at Belgorod Orthodox Theological Seminary (with missionary focus), Belgorod, Russia